

ОБСКІЕ ПИРАТЫ ПРОШЛАГО ВѢКА.

МОГОВОДНАЯ, величественная Обь, съ своимъ огромнымъ притокомъ Иртышемъ, была и сейчасъ является важнѣйшею, жизненною артеріей всей Западной Сибири. По Оби и ея притокамъ шло заселеніе края русскими, по ней же и теперь тысячи переселенцевъ передвигаются въ погонѣ за пресловутыми «кисельными берегами сибирскихъ медовыхъ рѣкъ». На этомъ пути, измѣряемомъ тысячами верстъ, все глухо и пустынно; рѣдкія поселенія, разбросанныя иногда на сотни верстъ другъ отъ друга, немного, конечно, способствуютъ оживленію мѣстности. А между тѣмъ, этотъ путь единственный, исконный торговый путь, соединяющій восточную Россію съ центральною Сибирью. Съ распространеніемъ въ XVII вѣкѣ русскаго заселенія на востокъ, рѣкою Обью стали пользоваться для доставленія во вновь созданные города и остроги всякой государственной казны, хлѣба и другихъ жизненныхъ продуктовъ. За государственными судами съ казной и служилыми людьми вскорѣ потянулись и купеческія суда съ товарами. Конечно, подобныя путешествія предприимчивыхъ торговцевъ по краю, номинально лишь признававшему въ то время русское владычество, были не безопасны; сильно рисковали они, но вѣдь и было чѣмъ рисковать: барыши, получаемые ими отъ торговли, съ избыткомъ покрывали издержки и рискъ предпріятія. Но мѣрѣ замиренія прибрежныхъ татаръ, остатковъ, самоѣдовъ и соотвѣтственнаго укрѣпленія правительственной власти въ краѣ, великій обскій водяной путь становится безопаснѣе для торговцевъ; имъ приходилось считаться лишь съ препятствіями природными, да развѣ еще удовлетворять грабительскимъ

наклонностямъ неразборчивыхъ въ средствахъ воеводъ и служилыхъ людей, зачастую бравшихъ съ нихъ пошлину не только «на государя», но и прямо за свой счетъ. Такой сравнительно благопріятный періодъ продолжался не особенно долго; уже въ началѣ XVIII вѣка правительство организовало правильную ссылку преступниковъ въ Сибирь, и, конечно, при этомъ не могло не воспользоваться обскимъ путемъ. Потянулись караваны колодниковъ, людей отчаянныхъ, которымъ терять было нечего. Условія препровожденія ихъ, къ несчастью, не могли не оставлять желать лучшаго. Отдаленная Сибирь никогда не отличалась многочисленностью мѣстныхъ военныхъ силъ, да и тѣ, которыя тамъ были, сосредоточивались въ XVIII вѣкѣ преимуществу на югѣ, составляя кордонъ, ограждавшій Сибирь отъ набѣговъ немирныхъ кочевниковъ. На Оби и по ея притокамъ, не смотря на то, что административный центръ страны—Тобольскъ, помѣщался именно въ этомъ районѣ, войскъ было немного, а свободныхъ, которыми можно было бы воспользоваться для конвоированія арестантовъ, и совсѣмъ мало. Неудивительно, поэтому, что конвойныя команды значительно уступали, по численности своей, сопровождаемымъ ими колодникамъ, и благополучная доставка арестантской партіи на мѣсто зависѣла главнымъ образомъ отъ находчивости, ловкости и смѣтливости начальниковъ конвоя, устроивавшихъ такъ, что небольшая горсть вооруженныхъ людей оказывалась въ состояніи сдерживать превосходящую ее въ нѣсколько разъ толпу отчаянныхъ головорѣзовъ и разбойниковъ.

Безлюдность края и отдаленность другъ отъ друга прибрежныхъ селеній не могли благопріятствовать побѣгамъ въ одиночку; всякій, рѣшившійся на такой побѣгъ, долженъ былъ погибнуть неминуемо. Возможны были лишь побѣги массой, когда бѣжавшіе, сильные своею численностью и непреклоннымъ, ничѣмъ не сдерживаемымъ стремленіемъ къ свободѣ, являлись, такъ сказать, хозяевами побережья. Силою отбирая у прибрежныхъ жителей лодки, оружіе, съѣстные припасы, скрываясь отъ преслѣдованія въ безчисленныхъ протокахъ и заливахъ обскихъ, они грозной тучей проходили побережье, пробираясь затѣмъ изъ Оби въ Сосву, гдѣ, оставляя рѣку, направляли свой путь черезъ Уралъ въ Россію. Партіи такихъ колодниковъ, настоящихъ обскихъ пиратовъ, наводили ужасъ на мѣстное населеніе; не только беззащитныя деревни, но и укрѣпленные города далеко не всегда могли считать себя въ безопасности отъ возможнаго нападенія этихъ разбойничьихъ шаекъ. Горе было купеческому судну встрѣтиться съ флотиліей бѣжавшихъ колодниковъ. Большею частью вполне беззащитное, такое судно представлялось легкою и заманчивою добычею, тѣмъ болѣе желательною, что овладѣніе имъ являлось для бѣжавшихъ вопросомъ жизни и смерти. Вѣдь если малонаселенность обскаго побережья

благопріятствовала вообще массовымъ побѣгамъ колодниковъ, то та же самая причина была для нихъ и гибельна. На сотни верстъ нѣтъ жилища, нѣтъ слѣдовательно и хлѣба; мало было одолѣть конвой и бѣжать, слѣдовало еще раздобыть необходимые съѣстныя припасы, вотъ почему встрѣча съ «купцомъ», богатымъ не столько деньгами и товарами, сколько припасами и оружіемъ, составляла обстоятельство первой важности, являлась счастливою случайностью, много способствующей удачѣ предпріятія. Нѣтъ сомнѣнія, что при бѣдности мѣстнаго населенія и крайней скудости хлѣбныхъ запасовъ, которыми правительство по необходимости снабжало поселниковъ этихъ непріютныхъ странъ, гдѣ и хлѣбъ не родится, колодники, въ своихъ набѣгахъ на прибрежныя селенія, не многимъ могли поживиться и слѣдовательно этимъ путемъ лишь въ весьма незначительной степени обезпечивали свое дальнѣйшее существованіе. Встрѣча съ купеческимъ судномъ и удачный захватъ его въ извѣстной мѣрѣ гарантировали имъ возможность благополучнаго исхода побѣга, возможность такъ или иначе выбраться изъ него-степрїимной пустыни и вернуться въ тотъ завѣтный край, откуда они изгнаны были навсегда.

Сохранившіеся архивные документы описываютъ нѣсколько характерныхъ случаевъ подобныхъ побѣговъ, съ которыми мы и позволяемъ себѣ ознакомить читателя.

I.

5-го іюня 1745 года мирные обыватели Сургута, маленькаго, глухаго городка на Оби, были встревожены лихою вѣстью: прошелъ слухъ, что около города появилась шайка бѣглыхъ каторжниковъ; передавали даже, что ихъ видѣли въ самомъ городѣ, что они успѣли уже кое-кого пограбить, что добираются даже до самого воеводы и думаютъ сжечь городъ. Конечно, народная молва зашла по обыкновенію далеко впередъ, но фактъ появленія колодниковъ близъ города оказался вѣренъ. Всѣ видѣли, какъ воевода Еропкинь, озабоченный и угрюмый, спѣшно прошелъ изъ своего дома въ воеводскую канцелярію, гдѣ долгое время тайно бесѣдовалъ съ какимъ-то поручикомъ, прибывшимъ въ ночь передъ тѣмъ изъ Тобольска. Не прошло незамѣченнымъ и то обстоятельство, что воевода распорядился тотчасъ же послать за козацкимъ сотникомъ Торопчаниновымъ и строго-на-строго ему что-то наказывалъ, топалъ ногами, сердился... Возбужденное до крайности пародное любопытство нашло, наконецъ, себѣ удовлетвореніе. На воротахъ дома, гдѣ помѣщалась воеводская канцелярія, появилось объявленіе, и каждый грамотный могъ прочесть слѣдующее:

«Сего 745 году, іюня 5 дня, въ Сургуцкую воевоцкую канцелярію, слѣдующій изъ Тобольска. на дощаникѣ порутчикѣ Бѣлянинѣ вѣдѣніемъ объявилъ: изъ посланныхъ де съ нимъ арестантовъ бѣжало 14 человекъ. И по тому его, порутчика Бѣлянина, вѣдѣнію, о сыску тѣхъ арестантовъ въ городѣ Сургутѣ, во всенародное извѣстіе публиковать и въ пристойномъ мѣстѣ выставить публичный указъ, въ которомъ объявить: ежели гдѣ оныя бѣглецы явятся, таковыхъ ловить и объявлять въ Сургуцкую воевоцкую канцелярію безъ замедленія; также и въ войсковую контору и сотнику Торопчанинову съ товарищи послать указъ же, по которому предписанныхъ бѣглецовъ сыскивать всякими сыски накрѣпко и для того сыску командировать имъ на каждую ночь, вокругъ города ходить, съ ружьемъ, изъ Сургуцкихъ служилыхъ людей человекъ по 10 и болѣе, а буде по сыску явятся, то, ихъ имая, объявлять въ Сургуцкую воевоцкую канцелярію немедленно».

Цельзя сказать, чтобы это распоряженіе вполнѣ успокоило встревоженныхъ обывателей; всѣ хорошо понимали, что требованіе начальства о сыскѣ бѣжавшихъ каторжниковъ было пустымъ звукомъ, что привести въ исполненіе упомянутое распоряженіе невозможно, за малочисленностью служилыхъ сургутскихъ людей, и что начальство, въ сущности, болѣе заботилось объ охранѣ самого города отъ внезапнаго нападенія, чѣмъ о поимкѣ бѣглецовъ. Да и было чего тревожиться: кому неизвѣстно, на что способна толпа голодныхъ храпъ-маіоровъ ¹⁾, въ бѣшенной жаждѣ свободы готовая на все, и для которой ничего не значило спалить городъ, чтобы, воспользовавшись пожаромъ, поживиться на счетъ обывателей.

Воеводу Еропкина озабочивало, однако, не это; по опыту онъ зналъ, что 14 человекъ, хоть бы и отчаянныхъ головъ, не рискнуть дѣйствовать открытой силой противъ города, гдѣ, всетаки, было кое-какое войско; мучило воеводу другое: отъ поручика Бѣлянина онъ узналъ нѣчто такое, что дѣйствительно могло представлять серьезную опасность. Дѣло въ томъ, что изъ Тобольска отправлено было въ Енисейскъ два дощаника съ каторжниками, одинъ подъ командой поручика Бѣлянина, а другой подъ начальствомъ капитана Хрушкова. На двухъ дощаникахъ каторжниковъ было болѣе 120 человекъ, и народъ попался все отчаянный. Дорогой пошли не лады, арестанты шумѣли, не слушались и, не стѣсняясь, высказывались, что воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы завладѣть дощаниками, избить конвой и бѣжать. Подъ самымъ Сургутомъ съ дощаника Бѣлянина бѣжало 14 человекъ; въ виду возбужденнаго настроенія арестантовъ Бѣлянинъ не рѣшился послать за ними погоню, справедливо полагая, что оставшіеся только и

¹⁾ Такъ въ Сибири называли каторжниковъ, которымъ, какъ извѣстно, въ тѣ времена рвали поздрп.

ждутъ уменьшенія числа конвойныхъ, чтобы напасть на конвой, побросать его въ рѣку и затѣмъ завладѣть судномъ. Нужно было ожидать дальнѣйшихъ попытокъ къ побѣгу со стороны каторжниковъ, и если, чего Боже сохрани, предпріятіе ихъ увѣнчалось бы успѣхомъ, появленіе подъ Сургутомъ толпы свыше 100 человекъ вооруженныхъ и озлобленныхъ разбойниковъ, конечно, представляло крайнюю опасность. Вотъ почему Еропкинъ принялъ все мѣры къ тому, чтобы ни на лишній часъ не задержать столь неприятныхъ гостей. Съ лихорадочной поспѣшностью доставлялось на дощаники все, что требовалось по росписанію; сами суда стали на якорь вдали отъ города и тамъ выжидали окончанія нагрузки.

Наконецъ Еропкинъ вздохнулъ свободнѣе; нагрузка окончилась, и опасные дощаники отправились далѣе, вверхъ по Оби. Тѣмъ временемъ стали приходить извѣстія и о бѣжавшихъ колодникахъ. 9-го іюня казацкій пятидесятникъ Илья Кайдаловъ донесъ, что посланные имъ въ обходъ «казаки Петръ Кушниковъ и Иванъ Кляпиковъ съ товарищи, всего 5 человекъ», шли на утренней зарѣ по пожнѣ вокругъ города и увидѣли, что «идетъ де изъ города, отъ скоцкаго пригону сургуцкаго казака Якова Тверитинова, незнаемый человекъ въ лѣсѣ, за которымъ де они и побѣжали и, сбѣжавши въ лѣсѣ, увидѣли-жъ и другихъ, болѣе 10 человекъ, которые де отъ нихъ и побѣжали въ лѣсѣ же и уронили сдѣланное изъ дерева копье, обожженное огнемъ, да березовую дубину и худые портки; и за тѣми де людьми гнались они боромъ, токмо достичь не могли».

Получивъ это донесеніе, Еропкинъ собралъ всехъ служилыхъ и отставныхъ казаковъ и, вмѣстѣ съ случившимся о ту пору въ Сургутѣ капитаномъ Булатовымъ, отправился на розыски бѣглецовъ. Поиски не увѣнчались, однако, успѣхомъ; каторжники скрылись и зажгли въ пяти верстахъ отъ Сургута лѣсѣ, что окончательно должно было остановить преслѣдованіе. Вскорѣ по возвращеніи Еропкина въ городъ, туда прібылъ ясачный остякъ Никита Елчинъ и заявилъ, что дорогой онъ встрѣтилъ сдѣланнй изъ бревенъ плотъ, плывшій протокой въ 10 верстахъ ниже Сургута; на плоту было болѣе 10 человекъ «незнаемыхъ людей».

Извѣстіе это весьма обрадовало воеводу; каторжники видимо рѣшились оставить окрестности города и поплыли внизъ, по направлению къ Березову. Еропкинъ, правда, послалъ за ними погоню на лодкахъ, но сдѣлалъ это, очевидно, лишь для очистки совѣсти; трудно вѣдь повѣрить, чтобы дѣйствительно нельзя было въ лодкахъ нагнать утлый, неуклюжій плотъ, а пятидесятникъ Кайдаловъ, посланный въ погоню, руководствуясь, вѣроятно, правиломъ «отъ грѣха подальше», такъ и не нагналъ бѣглецовъ, проплывъ цѣлыхъ 30 верстъ.

Такъ или иначе, но каторжники оказались далеко, и обыватели Сургута стали мало-по-малу забывать страхи пережитыхъ дней. Не предчувствовалъ и Еропкинь, какое испытаніе ему предстояло...

II.

Оставимъ на время Сургуть съ его страхами и тревогами и послѣдуемъ за отплывшими вверхъ по Оби дощаниками съ арестантами. Медленно двигались они впередъ, все время борясь съ противными вѣтрами; приходилось тащить суда бечевой, что возбуждало ропотъ и неудовольствіе среди колодниковъ, на обязанности которыхъ лежала эта тяжелая работа. Въ ночь на 15-е іюня, когда они ушли отъ Сургута болѣе чѣмъ за сто верстъ, внезапно разразилась буря. Какъ разъ въ это время дощаники выходили изъ узкой протоки въ коренную Обь, въ этомъ мѣстѣ шириною болѣе двухъ верстъ. Поднявшимся вѣтромъ дощаники разбросало въ разныя стороны, и за темнотою они очень скоро потеряли другъ друга изъ виду. Положеніе стало критическимъ: немногаго нужно было, чтобы разбить въ щепы тяжелыя и старыя суда. Послѣ неимовѣрныхъ усилій дощаникъ, бывшій подъ командой капитана Хрушкова, удалось таки направить къ берегу. Мѣсто, однако, было таково, что нечего было и думать становиться на якорь. Открытое со всѣхъ сторонъ, оно не представляло никакой защиты судну отъ набѣгавшихъ огромныхъ валовъ, грозившихъ выбросить послѣднее на берегъ. Въ виду этого рѣшено было идти дальше бечевой. Спустили на берегъ арестантовъ и съ ними конвой. Этого момента только и дожидались каторжники; пользуясь темнотою и неизбежной въ такихъ случаяхъ сумятицей, они бросились на часовыхъ и, отнявъ у нихъ оружіе, побросали ихъ самихъ въ воду. Крики о помощи утопающихъ караульныхъ за вѣтромъ не доходили до дощаника, и тамъ ничего не знали, что дѣлается на берегу. Опасаясь, чтобы сброшенные въ воду казаки какънибудь не доплыли до судна и не подняли бы тамъ тревогу, разбойники вытащили ихъ на берегъ и затѣмъ, притянувъ бечевой дощаникъ, атаковали его. Опѣшившіе и не ожидавшіе нападенія казаки сдались почти безъ сопротивленія. Перевязавъ всю команду и жестоко избивъ капитана, каторжники перерубили всѣ снасти и, забравъ большую лодку, въ числѣ 50 человѣкъ успѣшили удалиться отъ мѣста побоища. Все бывшее на дощаникѣ оружіе, порохъ, свинець, съѣстные припасы, обувь и одежду они увезли съ собой, оставивъ Хрушкова и его команду буквально въ однихъ рубашкахъ.

Можно себѣ представить, какую ужасную ночь провели эти несчастные, полуголые, избитые, связанные. Подъ утро вѣтеръ сталъ стихать, и съ дощаника поручика Бѣлявина замѣтили, что съ суд-

номъ Хрупкова что-то не ладно. Вскорѣ обнаружилась печальная истина; рѣшено было тотчасъ же послать нарочнаго въ Сургутъ съ просьбою о помощи и съ предупрежденіемъ о возможности набѣга каторжниковъ на городъ.

Тѣмъ временемъ разбойники быстро подвигались по теченію, внизъ по Оби. Вскорѣ показался Богоявленскій погостъ, отстоящій отъ мѣста происшествія въ 15-ти верстахъ. Единственная, отбитая ими лодка оказалась тѣсною, почему и предположено было высадиться въ Богоявленскомъ и захватить всѣ имѣвшіяся тамъ на лицо лодки. Своевольная толпа не ограничилась, однако, этимъ; погостъ былъ «разбитъ и разграбленъ безъ остатку», причемъ расходившіеся каторжники грозились тоже сдѣлать и съ Сургутомъ, говоря: «мы де и не эдаки города разбивали».

Покончивъ съ погостомъ и захвативъ оказавшіяся тамъ четыре лодки, бѣглецы, уже цѣлою флотиліей, отправились дальше. Не прошли они и десяти верстъ, какъ показалось на рѣкѣ какое-то судно, шедшее вверхъ, имъ навстрѣчу. Подойдя къ нему поближе, разбойники убѣдились, что имѣютъ дѣло съ купеческимъ дощаникомъ, почему, не долго думая, рѣшились воспользоваться случаемъ и попытать счастья. Окруживъ со всѣхъ сторонъ дощаникъ, они произвели залпъ изъ ружей и луковъ, равивъ при этомъ тюменскаго купца Петра Зубарева и убивъ наповаль одного изъ работниковъ, жителя города Яранска, Матвѣя Елушакова. Воспользовавшись замѣпательствомъ застигнутыхъ врасплохъ купцовъ, разбойники кинулись на abordажъ и очень быстро овладѣли судномъ. Расправа была коротка: избивъ и перевязавъ всѣхъ находившихся тамъ, они отобрали наличныя деньги въ количествѣ болѣе 5.000 рублей, взяли товару тысячи на три, 6 ружей, порохъ, свинецъ, платье, словомъ все цѣнное, и, бросивъ на произволъ судьбы ограбленныхъ, двинулись далѣе, къ Сургуту.

Странное и оригинальное зрѣлище представляла изъ себя флотилія обскихъ пиратовъ. Захвативъ на дощаникѣ много сукожныхъ товаровъ, разбойники немедленно воспользовались попавшимся подъ руку матеріаломъ и повадѣлали себѣ красныхъ плащей, устроили перевязи изъ шелковой парчи разныхъ цвѣтовъ, словомъ разукрасились на славу. На переднихъ двухъ лодкахъ гордо развѣвались «флаги выбойчаты» самыхъ яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ. Можно себѣ представить, какой эффектъ производила эта толпа демоновъ, съ обезображенными, звѣрскими лицами, въ ярко-красныхъ одѣвнїяхъ, лихо распѣвавшая разбойничьи, волжскія пѣсни...

«Шайтаны, шайтаны на Оби!» — испуганно повторяли встрѣчавшіеся съ ними остяки, пугливо прячась по протокамъ и заливамъ и горячо молясь своимъ богамъ объ избавленіи отъ неожиданнаго дьявольскаго наважденія. Мольбы эти были излишни: бѣдные чумы инородцевъ не могли привлечь сытыхъ и въ волю пльцыхъ

разбойниковъ, да и другія мысли занимали ихъ. Предстояло пройти мимо Сургута, этого единственнаго мѣста, гдѣ можно было ожидать непріятной встрѣчи съ служилыми людьми,—встрѣчи, исходъ которой, во всякомъ случаѣ, былъ неизвѣстенъ. Не зная въ точности численности сургутскаго гарнизона, разбойники естественно должны были опасаться возможности быть захваченными, а одна мысль объ ожидавшемъ ихъ въ этомъ случаѣ возмездіи должна была приводить въ ужасъ. Но и тутъ, какъ увидимъ ниже, случай выручилъ ихъ.

III.

Воевода Еропкинь, ничего не зная о случившемся у погоста Богоявленскаго и совершенно успокоившись насчетъ возможности появленія каторжниковъ въ Сургутъ, снова зажилъ мирною сургутскою жизнью, со страстью предаваясь любимой своей забавѣ—охотѣ и рыбной ловлѣ. 17-го іюня, рано утромъ, онъ съ денщиками отправился вверхъ по Оби, на островъ, съ цѣлью закинуть нѣсколько неводовъ, да кстати пострѣлять, если что попадется подъ руку. Все шло прекрасно, «рыбалка» удалась на славу, и Еропкинь уже сталъ подумывать о возвращеніи домой, какъ вдругъ замѣтилъ на рѣкѣ что-то необычайное, странное, поразившее его до крайности... Къ острову приближалось нѣсколько лодокъ, наполненныхъ людьми, богато и цестро одѣтыми. Не успѣлъ воевода придти въ себя и сообразить, въ чемъ дѣло, какъ съ лодокъ раздался залпъ, сидѣвшіе въ нихъ люди повскакали съ мѣстъ и съ дикими криками бросились высаживаться на берегъ. Въ мигъ Еропкинь съ своими денщиками былъ отрѣзанъ отъ лодокъ и очутился во власти «незнаемыхъ людей», о званіи которыхъ, впрочемъ, не трудно было догадаться по отсутствію поздрей и звѣрскимъ, обезображеннымъ клеймами, лицамъ...

Началась расправа. «Ты-то де намъ и надобенъ, намъ де про васъ сказывали въ верху рыбаки, что де ты здѣсь на острову»,—говорили разбойники, связывая дрожавшаго отъ страха Еропкина. Съ ужасомъ смотрѣлъ онъ на свою свиту, жестоко избитую и лежавшую въ безпомощномъ состояніи на землѣ, мысленно прощался со своими близкими, зная, что пощады ему отъ разбойниковъ не будетъ. Послѣ краткаго совѣщанія рѣшено было разстрѣлять воеводу; его подняли съ земли, посадили и нѣсколько человекъ съ ружьями выступили впередъ. Но тутъ произошло событіе, разрѣшившее судьбу несчастнаго Еропкина совершенно иначе.

Въ числѣ пятидесяти бѣжавшихъ колодниковъ была женщина, единственная представительница прекраснаго пола среди пиратовъ. Архивные документы сохранили намъ ея имя. Это была молодая, шустрая бабенка Дарья Хардина, ссылавшаяся въ каторгу за огра-

вленіе нелюбимаго мужа. Разбитная, веселая, никогда не унывающая, Хардина пользовалась сильнымъ вліяніемъ среди озвѣрѣвшихъ каторжниковъ, ловко устраивая страстные исканія своихъ многочисленныхъ поклонниковъ. Вліяніе это сказалось и въ дѣлѣ Еропкина; тронулась ли она жалкимъ видомъ избитаго и измученнаго старика, вспомнила ли, быть можетъ, своего престарѣлаго отца, или просто захотѣлось покапризничать избалованной ухаживаніями женщинѣ, такъ или иначе, но Хардина горячо заступилась за воеводу.

— Бога вы не боитесь, изверги! за что губите неповиннаго старика? иль мало народу сгубили, ненасытные?!...

Эта страстная и неожиданная рѣчь произвела должное; нѣсколько человѣкъ поддержали Хардину, и «много было у нихъ прени, а прочіе говорили: за то де его убить надо, что де онъ нашу братію, бѣглыхъ колодниковъ, сыскиваетъ и посылаетъ въ партіи, въ погони и высылки». Часа три спорили разбойники, нѣсколько разъ Еропкинъ считалъ себя погибшимъ, но судьба, наконецъ, сжалась надъ нимъ. Болѣе благоразумные одержали верхъ, и воеводѣ дарована была жизнь. Ограбивъ его дочиста, не пощадивъ и золотого тѣльнаго креста, колодники еще и наглумились надъ бѣднымъ старикомъ. Отъѣзжая, они свесли на берегъ изъ награбленныхъ купеческихъ пожитковъ аршинъ пять зеленого сукна, аршинъ десять «свабшскаго» полотна, чайникъ зеленой мѣди, серебряный крестъ на цѣпочкѣ и, бросивъ все это Еропкину, заявили: «вотъ де тебѣ за терпѣнье». И «такъ-жъ сметали съ лодокъ мелочи нѣсколько и сказали-жъ: вотъ де людямъ твоимъ за терпѣнье», — добавляетъ Еропкинъ въ своемъ донесеніи о происшествіи.

Радость избавленія отъ неминуемой смерти не долго утѣшала, однако, Еропкина; съ ужасомъ думалъ онъ о томъ, что происходитъ теперь въ городѣ, въ его отсутствіе. Вѣдь никто лучше его не зналъ, что во всемъ Сургутѣ не найдется и полуфунта пороху, нѣтъ и десяти исправныхъ ружей; не прогорѣлыми, никуда негодными затинными пищалями, наслѣдіемъ прошлаго вѣка, испугаешь многолюдную, хорошо вооруженную шайку головорѣзовъ! А тутъ еще мысль о возможности побѣга колодниковъ изъ партіи поручика Бѣлянина, — недаромъ же что-то объ этомъ между собой болтали нахвастніе молодцы...

Наскоро собравшись, Еропкинъ рѣшился, наконецъ, вернуться въ городъ. Къ его счастью, злодѣи не догадались или забыли захватить его лодки. По возвращеніи со столь печально окончившейся рыбалки воевода узналъ, что разбойники не посмѣли напасть на городъ и проплыли мимо, видимо, не желая рисковать стычкой съ служилыми людьми. Остававшійся въ городѣ каштавъ Булатовъ

наскоро собралъ команду и бросился было въ догонку за ними, но, проплывъ версть 15-ть, вернулся, конечно, не успѣвъ ихъ нагнать...

Такъ пронеслась гроза, разразившаяся было надъ Сургутомъ.

IV.

Спѣшно писалъ Еропкинъ въ Tobольскъ свое донесеніе о случившемся. Ни минуты лишней не задержалъ онъ гонца, приказавъ ему всячески торопиться съ донесеніемъ, нигдѣ не задерживаясь, и по дорогѣ собирать свѣдѣнія о дальнѣйшихъ походахъ бѣжавшихъ каторжниковъ.

Какъ оказалось, 25-го іюня наши пираты были уже въ Бѣлогорской волости, верстахъ въ четырехъ стахъ отъ Сургута, пробегая на шести лодкахъ, по направленію къ Березову. По словамъ ясачныхъ остяковъ этой волости, ихъ было уже 66 человекъ, изъ чего можно заключить, что они розыскали и подобрали и тѣхъ 14 человекъ, что ранѣе бѣжали съ дощаника поручика Бѣлянива.

По полученіи донесенія Еропкина, сибирскій губернаторъ Сухарева немедленно же распорядился послать въ Обь секундъ-майора сибирскаго гарнизона Томилова съ командой, приказавъ ему взять изъ цейхгауза «пять пушечекъ малыхъ, разнокалиберныхъ, чугунныхъ на станкахъ, съ порохомъ и ядрами». Экспедиція снабжена была въ достаточномъ количествѣ патронами, аммуниціей и съестными припасами. Въ наказѣ, данномъ Томилову, предписывалось спуститься на лодкахъ по Иртышу до Самаровскаго яма¹⁾, «а прибывъ въ тотъ ямъ, взять отъ управителя Суздальцева, за его рукою, письменное извѣстіе, и чрезъ обывателей накрѣпко навѣдываться, гдѣ вышоявленные воры и разбойники, и по которымъ рѣкамъ имѣются, около ли города Сургута, или подлинно пробѣжали къ Березову, и, навѣдався о томъ подлинно и достовѣрно, слѣдовать за тѣми ворами и разбойниками со всею командой своею въ тѣ мѣста того же числа и всякими мѣрами стараться накрѣпко навѣдываться о тѣхъ ворахъ и разбойникахъ, и чинить за ними поиски и, какъ возможно, всѣхъ переловить, а въ случаѣ противленія ихъ стрѣлять по нимъ изъ ружья».

Но Томилову не пришлось ни стрѣлять изъ ружей, ни переловить бѣжавшихъ колодниковъ. Пока собиралась экспедиція, пока она медленно и не спѣша плыла внизъ по Иртышу и Оби, разбойники не дремали и все далѣе и далѣе забирались на сѣверъ. Попрежнему они не давали пощады прибрежнымъ жителямъ и грабили все мало-мальски цѣнное, попадавшееся имъ подъ руку

¹⁾ Расположенъ въ 25 верстахъ отъ впаденія Иртыша въ Обь.

Не щадились церкви, пострадалъ и Ковдинскій монастырь. Направляя свой путь къ рѣкѣ Сосвѣ, которой они думали подняться до Ляпина и оттуда черезъ Уралъ перебраться въ Архангельскую губернію, наши пираты нуждались въ знающемъ мѣстность проводникѣ. Таковымъ оказался проживавшій въ Ковдинскѣ зырянинъ Михаилъ. Не долго думая, они силою его захватили и заставили сопровождать ихъ въ дальнѣйшемъ пути.

Страшныя насилія и грабежи этой шайки паническимъ образомъ дѣйствовали на населеніе: всѣ, кто могъ только, разбѣгались при видѣ появляющейся на горизонтѣ пиратской флотиліи. Въ селѣ Чемашевскомъ¹⁾ не успѣвшій скрыться священникъ отецъ Бологодскій встрѣтилъ разбойниковъ на паперти церкви съ колокольнымъ звономъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ. Пригласивъ затѣмъ ихъ къ себѣ, онъ угостилъ чѣмъ могъ, а матушка-попадья истопила имъ баню. По удостовѣренію «Лѣтописи Ковдинскаго монастыря»²⁾, откуда мы заимствуемъ эти подробности, разбойники были тронуты пріемомъ чемашевскаго священника и, отъѣзжая, горячо благодадили его и матушку за радушіе и доказали свою благодарность на дѣлѣ, не разоривъ села, жители котораго отъ страха всѣ разбѣжались.

Чѣмъ окончилась рассказанная нами разбойничья эпопея, изъ архивныхъ источниковъ не видно; полагаемъ, однако, что можно безошибочно утверждать, что предпріятіе не удалось, и обекіе пираты сложили свои буйныя головушки въ непроходимыхъ урманахъ сѣверной пустыни. Среди мѣстныхъ остяковъ до сихъ поръ существуетъ преданіе объ этомъ походѣ новыхъ аргонавтовъ чрезъ негостепріймный Сосвинскій край. Рассказываютъ, что упоминаемый выше проводникъ, зырянинъ Михаилъ, пользуясь тѣмъ, что колодники не знали остяцкаго языка, не скрывалъ отъ встрѣчавшихся имъ инородцевъ истинное происхожденіе идущихъ съ нимъ людей и, по совѣту нѣкоторыхъ остяковъ, повелъ свою команду урманскими огородами³⁾, гдѣ на каждомъ шагу насторожены были ружья и луки со стрѣлами, поставленные на медвѣдей и лосей. Множество разбойниковъ погибло въ этихъ ловушкахъ, а остальные разбѣжались и, конечно, тоже должны были погибнуть отъ голода и наступившихъ холодовъ. Не вернулся домой и проводникъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, убитый за свою измѣну.

1) Въ 700 верстахъ отъ Сургута, внизъ по Оби.

2) Рукопись, принадлежащая бібліотекѣ Тобольской духовной семинаріи.

3) Такъ называются глухія, непроходимыя лѣсныя чащи, въ которыхъ мѣстные инородцы ставятъ звѣринныя ловушки.

Массовые побѣги каторжниковъ, въ родѣ только что описаннаго, къ счастью, случались не часто, зато не проходило году, чтобы не бѣжали малыми партіями, человекъ по пяти, десяти. Конечно, эти небольшія партіи представляли для населенія значительно меньшую опасность, но, тѣмъ не менѣе, ихъ боялись и бѣгали всячески. И не только остяки, по самой природѣ своей трусливые, но и русскіе старались не задѣвать проѣзжавшихъ и по возможности удовлетворять ихъ требованіямъ, избѣгая открытаго столкновенія. Появленіе на низовьяхъ Оби упомянутыхъ разбойничьихъ шаекъ стало, наконецъ, такимъ зауряднымъ явленіемъ, что мѣстныя власти не на шутку задумались надъ способомъ противодѣйствовать этому злу. Настоятель Кондинскаго монастыря, игуменъ Маркіанъ, 7-го октября 1768 года «благопочтительнѣйше» доносилъ сибирской губернской канцеляріи, что если не принять своевременно мѣръ къ охраненію края, то, въ виду природной робости живущихъ по берегамъ остяковъ, появляющіяся шайки бѣжавшихъ колодниковъ очень скоро обратятся въ «многовредительныхъ разбойниковъ, на подобіе волжскихъ». Ближайшимъ поводомъ къ такому донесенію послужило столкновеніе разбойниковъ съ монастырскими людьми въ сентябрѣ того же 1768 года, любопытныя подробности о которомъ мы заимствуемъ изъ архива Кондинскаго монастыря.

Въ сентябрѣ 1768 года самаровская управительская канцелярія дала знать настоятелю Кондинскаго монастыря, что нѣсколько бѣжавшихъ съ дороги колодниковъ направились внизъ по Оби, съ очевидною цѣлью пробраться рѣкою Сосвой къ Уралу и оттуда въ Европейскую Россію.

20-го сентября разбойники были уже въ селѣ Троицкомъ, отстоящемъ въ 55 верстахъ внизъ по рѣкѣ отъ Самарова. Ихъ было всего шесть человекъ на одной лодкѣ. Малочисленность шайки, вѣроятно, служила причиною тому, что бѣглые вели себя сравнительно скромно. Трое изъ нихъ остались караулить лодку, а трое пошли по селу. Зайдя къ дьячку, а потомъ къ священнику, они просили хлѣба и предлагали за него деньги, но какъ дьячекъ, такъ и священникъ, признавъ въ нихъ лихихъ людей, хотя и дали нѣсколько хлѣбовъ, но отъ денегъ отказались. Ясашный остякъ, Музыргановъ, услышавъ о появленіи въ селѣ бѣглыхъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, оба вооруженные луками, пошли было имъ на встрѣчу, но въ рѣшительную минуту струсили и взмолились о пощаду. Въ наказаніе разбойники сняли съ Музырганова шубу, тутъ же, впрочемъ, отдавъ за нее рубль десять копеекъ.

21-го числа шайка посѣтила Сухоруковскій погостъ, отстоящій отъ Самарова въ 90 верстахъ. Тамъ ямщикъ Коренановъ встрѣтилъ

ихъ на улицѣ съ хлѣбомъ-солью и поднесъ три утки, два гуся, масла и кринку молока. Такая предупредительность не избавила его отъ обязанности выдать разбойникамъ свой зипунъ, за который ему заплатили 1 рубль 20 копеекъ. Дьячекъ и понамарь Сухоруковскаго погоста не только встрѣтили грозныхъ гостей съ почетомъ, но и пригласили отобѣдать съ собой. Послѣ обѣда гостепріимные хозяева истопили баню, и разбойники поочередно парились, оставляя на караулѣ по человѣку съ ружьемъ.

Игуменъ Маркіанъ, настоятель Кондинскаго монастыря, получивъ увѣдомленіе изъ самаровской канцеляріи о побѣгѣ колодниковъ, сильно встревожился, невольно вспоминая разграбленіе монастыря въ 1745 году. Нужно замѣтить, что монастырь дѣйствительно былъ вполнѣ беззащитенъ отъ нападенія лихихъ людей; монастырской ограды не существовало вовсе, если не считать за такую обыкновеннаго плетня, которымъ были окружены убогія монастырскія постройки. Монашествующая братія, — все больше старики, — конечно, не могла оказать какого либо сопротивленія, а такъ называемое «заоградное» населеніе, живущее при монастырѣ, боялось разбойниковъ не менѣе своихъ сосѣдей-остяковъ и при первомъ извѣстїи о появленїи лодокъ съ бѣглыми обыкновенно укрывалось въ сосѣднемъ лѣсу. Правда, въ монастырѣ находился еще военный караулъ, подъ командою сержанта Ковалева, спеціально назначенный для окарауливанія содержавшихся въ монастырѣ колодниковъ, но состоялъ онъ всего изъ двухъ отставныхъ увѣчныхъ солдатъ, едва ли способныхъ къ ратному дѣлу...

23-го сентября, часу въ четвертомъ по полудни, игуменъ Маркіанъ изъ окна своей кельи увидѣлъ двѣ лодки, шедшія сверху. Одна бѣжала подъ парусомъ, а другую тащили бечевой по берегу. Встревоженный, онъ тотчасъ же послалъ своего келейника на берегъ узнать, что это за люди и куда они ѣдутъ. Прошло полчаса; келейникъ не возвращается; не понимая, что такое могло его задержать, игуменъ посылаетъ другаго служителя и отъ него узнаетъ, что «у прибывшихъ людей ноздри у нѣкоторыхъ пороты, на каждомъ изъ нихъ натруски съ порохомъ, и нѣсколько ружей видны въ лодкѣ; слышно, что собираются въ монастырь якобы для покупки хлѣба, обуви, холста, и идутъ уже въ монастырь». Не оставалось сомнѣнія, что это были бѣглые каторжники, о которыхъ написалъ самаровскій управитель. «Хотя я, — пишетъ въ своемъ дописанїи игуменъ, — и пришелъ нѣсколько въ робость, однакожь при казалъ находящемуся тогда при мнѣ одному только церковнику какъ можно скорѣе собрать служителей монастырскихъ и потомъ ударить въ колоколь трезвонъ, а самъ, не обождавъ людей, оставя келїю безъ защищенія, пошелъ на берегъ, имѣя въ рукахъ ружье, заряженное пулею и картечами»...

Тревожно забилъ набатный колоколь, призывая населеніе на

помощь монастырю. Нѣсколько человекъ похрабрѣй прибѣжали на берегъ, гдѣ, увидѣвъ настоятеля съ ружьемъ въ рукахъ, немного пріободрились; тѣмъ временемъ разбойники, высадившись съ лодокъ, уже стали подыматься въ гору; завидѣвъ, однако, собравшихся около игумена людей, остановились и стали бросать въ нихъ камнями. Велѣдъ за камнями послѣдовали и выстрѣлы. Монастырскіе защитники не остались въ долгу и тоже оборонялись камнями и стрѣляли изъ ружей. Встрѣтивъ неожиданное сопротивленіе, разбойники поспѣшно удалились къ лодкамъ и отвалили отъ берега. Тщетно игумень уговаривалъ собравшихся людей сѣсть въ лодки и догнать колодниковъ, — никто не рѣшался на такой рискованный подвигъ.

На слѣдующій день, 24-го сентября, послѣ долгихъ уговоровъ и настояній игумена, сержантъ Ковалевъ съ двумя монастырскими солдатами, братомъ своимъ Афанасіемъ Ковалевымъ и Данилою Черкашинымъ, пригласивъ съ собой 12 человекъ охотниковъ изъ мѣстныхъ обывателей, пустились въ погоню за разбойниками. Вернувшись обратно 25-го сентября, сержантъ донесъ настоятелю, что онъ нагналъ колодниковъ въ пятидесяти верстахъ отъ монастыря, на привалѣ. Послѣ жаркаго боя, въ которомъ солдатъ Данило Черкашинъ былъ убитъ, а разбойники все переранены, послѣдніе, отбитые отъ лодокъ, бѣжали въ лѣсъ. Такова была реляція храбраго сержанта, но не такъ происходило сраженіе на дѣлѣ. Когда экспедиція нагнала разбойниковъ, расположившихся на берегу для отдыха, сержантъ издали выстрѣлилъ въ нихъ изъ ружья, но дальше не пошелъ даже и тогда, когда разбойники отѣсвили оробѣвшихъ обывателей и бросились на солдата Давилу Черкашина, оставшагося такимъ образомъ въ одиночествѣ. Покончивъ съ Данилой, разбойники вернулись къ лодкамъ и благополучно поплыли дальше, оставивъ Ковалева съ его людьми вѣдаться, какъ они знаютъ, съ убитымъ солдатомъ. Жертва служебнаго долга, Черкашинъ въ тотъ же день былъ привезенъ въ монастырь и погребенъ въ оградѣ около церкви.

Не далеко, впрочемъ, ушли разбойники; въ Чемашевскомъ погостѣ, въ 90 верстахъ отъ монастыря, мѣстный дьячекъ, предупрежденный о появленіи бѣглыхъ, собралъ нѣсколько человекъ своихъ сосѣдей, весьма удачно переловилъ всехъ шестерыхъ колодниковъ и доставилъ ихъ въ Березовъ. Такимъ образомъ честь избавленія края отъ разбойниковъ, коварно ускользнувшая отъ храбраго сержанта, досталась скромному дьячку...

Библиотека Тобольскаго Государствен-

К. Газенвинкель.

ного историческаго музея-заповедника инв. № 2181